


О НАШИХ ПОДВАЛЬЧИКАХ

Великанова М.С.

 **РЕЗЮМЕ:** Марина Святославовна Великанова (1932-2025) - ученица Г.Ф. Дебеца, крупный отечественный палеоантрополог, сотрудник сектора (отдела) антропологии Института этнографии АН СССР (ныне Института этнологии и антропологии РАН). Прошла путь от лаборанта до старшего научного сотрудника (1955-1994гг). В 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию «Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья». В 1975-1982 гг. член Научного совета «Происхождение молдавского народа и славяно-молдавские связи» при отделении общественных наук АН Молдавской ССР. Разобрала, совместно с И.М. Золотаревой, систематизировала и инвентаризировала архив своего Учителя, Г.Ф. Дебеца (хранится в ЦФА ИЭА РАН), подготовила после его смерти к печати ряд его работ. Обладая легким пером и блестящей памятью, была своего рода летописцем научной жизни московских антропологов. Ниже мы печатаем ее воспоминания....

Едва ли у какого-то городского жителя вызовет симпатию подвал его большого дома. Там и сырость, и плесень на стенах, и заливают нередко из различных треснувших труб. Как ни странно, но у меня, проведеншей в этих местах немалые далекие годы, то есть существенную часть моего рабочего времени, остались о них и безоблачные воспоминания, и теплые чувства. И это не только потому, что подвальные времена – это были наши юность и молодость. Мы и тогда зачастую называли место нашего служебного обитания очень нежно – «подвальчиком». Их, подвальчиков, оказалось на моем веку несколько. Но начинала свой путь в эти низменности с высоты четвертого, весьма вознесенного этажа старинного особняка на Знаменке (тогда ул. Фрунзе), где в те годы помещался Институт этнографии и куда я была принята на работу. Невольно вспоминается и о тех днях. Институту достался последний, самый скромный этаж здания, нижние, более парадные занимал Институт права. У нас было тесновато, антропологи делили комнату с американистами и океанологами, правда, очень малочисленными. Все же в плотно заставленном Отделе (тогда назывался Сектор) место мне нашлось – целый стол. Я была принята как лаборантка Г.Ф. Дебеца. В Секторе было четверо «старших», почти у каждого был свой помощник из младших сотрудников, не назначенный формально, а так само сложилось. У В.В. Бунака – Тоша, Антонина Федоровна Федотова, она же и у заведующего М.Г. Левина. Сотрудница старшего поколения Юлия Алексеевна Дурново полностью обеспечивала весь рабочий процесс своей однокурсницы Татьяны Алексеевны Трофимовой – начиная счетной работой, через множество счетов, сверок, контактов с машинистками, и кончая тесной связью с издательством. Лишь Георгий Францевич действовал в основном своими силами, но теперь с моим приходом и он не был обделен технической помощью.

Но первым же полученным мной поручением было дело общесекторальное – приведение в порядок архива антропологических бланков. Они лежали в шкафах большими беспорядочными скоплениями. Охапками переносила я их на свой стол, разбирала, клеила нужные по размеру пакеты, подробно надписывала и помещала в папки, специально изготовленные в картонажной мастерской. Обычные, готовые не годились, нужны были разной толщины, по количеству бланков разных экспедиций, я хотела, чтобы труды каждой хранились по отдельности. С этими папками было много канители, хозяйственник толком не соображал, пришлось все связи с мастерской взять в свои руки. Георгий Францевич в мою деятельность не вникал, как бы и не замечал. Когда я однажды в начале задала какой-то вопрос, сказал что-то вроде: «Вот сами и решите, как быть». Я это запомнила и соблюдала все годы работы с Г.Ф., не лезла лишний раз. Думаю, что он это ценил. Предпочитал сам проявлять инициативу, когда считал нужным.

О НАШИХ ПОДВАЛЬЧИКАХ (ЭССЕ М.С. ВЕЛИКАНОВОЙ)

Возвращаюсь к своему дебюту, к папкам с бланками. Наконец все сделано, нужно поместить их в шкаф, который из-за тесноты в комнате открывался лишь на ширину щели. В эту щель я по одной просовывала и пропихивала дальше папки, начиная с номера один. В результате они стояли нумерацией не слева направо, а наоборот. Я этого почему-то не заметила, вероятно поглощенная чувствами, связанными с окончанием работы. Но призванный увидеть итог работы Георгий Францевич видит все сразу и задает естественный вопрос – почему так? Застигнутая врасплох, не нахожу ничего лучше, чем выпалить: «Для разнообразия!» Как ни странно, этот дурацкий ответ устроил Г.Ф.: «Что ж, пусть будет разнообразие». Георгий Францевич умел быть милосердным... Не омрачил моего скромного дебюта.

В этот же день Г.Ф. объявил мне, что теперь буду заниматься в Институте антропологии реставрацией присланных ему из археологических раскопок материалов. «Наконец - то для его собственной работы», – с удовлетворением подумалось мне. И тут же мы зашагали переулками, соединяющими Знаменку с Никитской (тогда улицы Фрунзе и Герцена). На одном из балконов старого дома росла березка, угнездилась в торце толстого основания балкона. Я ее давно приметил и проходя еще в студенческие годы, всегда проверяла – жива ли, непонятно было где берет воду и питание. Обратила на нее внимание Георгия Францевича, он удивился: «Сколько здесь хожу, никогда не видел. Чем же она живет, удивительно», и всю дальнейшую дорогу шло у нас обсуждение этой неожиданной темы.

Я думала, что мы поднимемся в музейно-институтские владения, где обычно в одном из уголков колдовала над разбитыми древними черепами художница Наталья Ивановна Ильенко, рада была с ней повидаться. Но нет, дойдя до Университета, мы не пошли к центральному входу в главное здание, вошли в неприметную дверь в стене, выходящей на улицу Герцена, и сразу стали спускаться по полутемной лестнице. Это и был мой первый подвал...

По запаху, встретившему нас внизу, я догадалась, что знаю это место. Здесь в одной из комнат хранились учебные анатомические препараты мягких тканей, в формалине и спирте. Они приносились в соседнее подвальное же помещение, но с входом со двора, на наши практические занятия по анатомии на первом курсе, с незабвенной и милой Марией Александровной Зотовой. Насколько быстро мы тогда свыклись с сухими косточками скелета на первых занятиях, настолько неприятны были позже соприкосновения с внутренними органами, к тому же окутанными едкими парами формалина. К счастью, программа спланхнологии не была долгой, в результате из всего курса и запомнилась больше всего остеология. Что теперь, с переездом кафедры в новое здание было в этой комнате, мне было неизвестно. Но запах вокруг еще сохранялся. К счастью, дверь в соседнюю комнату, в которую мы вошли, плотно закрывалась, и эта часть подвала пострадала меньше всего.

Эта, соседняя с анатомической комната, где стояли столы и стулья, и выглядело все вполне благоустроено, была неопределенного назначения, принимала всех антропологов, кому по тем или другим причинам необходимо было некоторое уединение или изоляция. Реставрационные работы с постоянно горящей спиртовкой и пахучими испарениями клеящей мастики удачно попадали в это помещение. Оно и оказалось местом моих деяний на новой для меня ниве. В тот первый день нас встретила здесь Гета Хить, аспирантка кафедры, в тишине и покое, нарушенными нами, занимающаяся своей диссертацией.

Георгий Францевич показал ящики, уже раскрытые, наполненные бумажными свертками с разбитыми черепами, которые мне предстояло восстановить. Это была Молдавия, IV век, черняховская культура. За спиртовкой, инструментами и клеящей мастикой нужно было подняться наверх, в Институт. Опыт реставрации у меня был минимальный, кажется было всего одно занятие, когда подклеивали отдельные отвалившиеся части хранившихся в Музее черепов. Теперь всю технику пришлось осваивать почти заново, обращаясь за советом к мастеру этого дела Наталье Ивановне. С ней же мы частенько ходили обедать – в так называемую ректорскую столовую, в одном из крыльев главного здания.

К счастью, это «рукоделие» пошло у меня хорошо, и оно мне очень нравилось. Скоро оценила я и все преимущества и удобства нового рабочего места. Ты был сам себе хозяин в течение всего дня, планировал его как тебе удобно. И никто не препятствовал болтовне, которая возникала в самостийно образующихся перерывах в работе, когда уставали и требовалась передышка. Общение вносило свой уют в подвальные стены. Кстати, эти стены всегда поражали своей толщиной и массивностью – строились на века! Удачно было то, что оказалась я здесь не в одиночестве, а напротив в симпатичном мне сообществе. Основным сотоварищем была Гета, с которой мы подружились еще в студенческие годы. Часто приходила и проводила немалые часы Ирина Золотарева, тогда аспирантка нашего Отдела. Забегал временами еще кто-то. Когда кафедра антропологии размещалась в пределах Института и Музея, мы, студенты много общались с их сотрудниками, с кем-то были хорошо знакомы.

Нередко заглядывал и Георгий Францевич, приносил вкусные вещи к чаю, к которому мы с удовольствием накрывали стол из скромных наших ресурсов. Один из его визитов запомнился надолго. Начну рассказ издалека. Наше поколение, а может быть, и вообще университетская женская среда, мало того, что не применяли макияж, но считалось просто неприличным или скорее, дурным тоном, краситься. Но однажды кто-то из дальних знакомых, не разделявший такого табу, подарил Ире Золотаревой «голливудскую» губную помаду, и она принесла нам с Гетой на показ эту заморскую штуку. Несмотря на все наше пуританство в этой области, все же интерес какой-то был. Разглядывая яркий, нарядный карандашик размышляли – чем же голливудский отличается от других, кроме притягательной рекламной обертки? Уж не он ли превращает в красавиц всех голливудских киноактрис? Глупые мысли посещают иногда и неглупых, смею считать, барышень. Как и мысль испробовать на себе таинственный предмет. Кто первый озвучил эту идею не помню, но возражений не было, напротив, была дружная поддержка. И вот, перед крошечным зеркальцем, единственным нашедшимся, уже стояла маленькая очередь... Подопытный экземпляр пытливо вглядывался в зеркальце, очередь с двух сторон заглядывала ему в лицо пытаюсь понять и оценить результат опыта. Было, помню, нам очень весело...

И вдруг раздалися шаги на лестнице, довольно тяжелые, мужские; значит, Георгий Францевич. Мгновенно обуял настоящий ужас: нас застанут в неприличном виде! Всеми доступными подручными средствами – носовыми платками, мятой бумагой, полотенцами, бросились уничтожать, то есть стирать следы преступления. Это было не так-то просто. Между тем, Георгий Францевич в сопровождении Наташи Миклашевской, его аспирантки, уже входили в комнату... Мы, все трое, встретили их у своих столов спинами. Очень может быть, что Г.Ф., судя по себе, подумал не без удовлетворения – ведь ученицы, – «так увлечены работой, что не могут оторваться». Наташе такое в голову прийти, конечно, не могло. Она вообще не обратила внимания на наш прием, сразу занялась разгрузкой принесенного к чаепитию и его организацией. Нам повезло, никто не концентрировался на наших спинах. Но пережили мы такой страх и ужас, что очень долго не могли до конца прийти в себя, тем более было уверенности, что помада стерлась до конца, и преступление еще может быть раскрыто. А сейчас я думаю, как интересно было бы увидеть реакцию нашего любимого Дебеца, покажись мы ему во всей голливудской красе! Он ведь был так непредсказуем...

Запомнился еще один эпизод – околоподвальный в прямом смысле. Входную с улицы дверь утром открывала я как самый постоянный обитатель. Делала это я аккуратно, то есть вовремя, так как приезжала из-за города всегда на одной и той электричке. И вот в один из дней, уже почти придя, вижу на углу Герцена и Моховой известного в Университете, работающего, кажется, на мехмате, слепого. Он стоит, явно ожидая помощи при переходе улицы. Мне не по пути, но конечно, беру его под руку, переходим, и мой подопечный просит, если можно, довести его до входа на факультет. И тут, оглянувшись, замечаю, что у закрытых дверей подвала стоит Георгий Францевич и смотрит на нас. Конечно, доведение до факультета не отменяется.

Обратно сдерживаю себя, чтобы не бежать, будучи убеждена, что особой вины нет, причина ведь уважительная. Оказывается, нет. «Опаздывать на работу нельзя», – ледяным тоном произносит Г.Ф., как только мы входим в нашу комнату, – «Но, Г.Ф., вы же видели...», – «Да, видел, но опаздывать на работу нельзя!» – «Что же, вы считаете, что я не должна была слепого...» – «Должны, непременно, но опаздывать на работу нельзя никогда!» Г.Ф. как всегда был непостижим и непредсказуем. Но никогда не вызывал чувства обиды на любые свои странные сентенции. Выговор по поводу не открытых вовремя дверей подвала был такой мелочью на фоне истинного, но не выставляемого напоказ, его отношения к тебе. Доктор наук, профессор, специалист с мировой известностью и главное, умеющий ценить свое время, он приезжает навестить больную всего-то легким гриппом. Еще когда-то приезжает чтобы самому сообщить приятную новость – неприятность, связанную с какой-то аспирантской формальностью, удалось уладить, приезжает, хотя прекрасно мог бы просто передать. И сидит весь вечер, превращая его для хозяев из будничного в праздничный... Бывали и другие подобные случаи.

Между тем, работа по реставрации шла ходко – я очень старалась – и наступил момент, когда Г.Ф. уже рассматривал выставленную на стол восстановленную серию, с которой он мог теперь начинать работать. Но неожиданно продолжать, то есть измерять, Г.Ф. поручил опять мне. Когда же, закончив, я протянула ему заполненные бланки, коротко просмотрев, он вернул их мне обратно: «А теперь напишите статью» (ударение на первом «и»)- прозвучало тоном приказа. Я была ошарашена...

Теперь в подвальчике я бывала редко. Были в основном дни в библиотеке и Институте – предстояло постигнуть совершенно новый для меня мир – древнюю историю и археологию обширного юго-западного края. Были беседы с Георгием Борисовичем Федоровым, автором раскопок Малаештского могильника, давшего материал, с которым я сейчас работала. Потом, летом, была Русская экспедиция В.В. Бунака.

К осени черновой набросок статьи был готов. Я простилась с моей рукотворной малаештской серией, передав ее в Музей. Думала, что расстанусь и с подвальчиком, но не тут-то было. Пришли новые, более обширные, материалы из раскопок другого могильника черняховской культуры – будештского, проведенных работавшим тогда в Молдавии Э.А. Рикманом. Прибавление материала очень порадовало, и опять я вернулась в уже ставшие привычными места, к привычным делам – реставрация, и так далее. А приехавший зимой в Москву Рикман объявил, что раскопки продолжатся и пригласил участвовать. Присутствие антрополога было важно, так как обеспечивало большую тщательность сбора костного материала плохой сохранности. И летом, после второго участия в Русской экспедиции, я отправилась в Молдавию. Было много неприятных неожиданностей и сложностей, но результат заставил забыть обо всем. Серия значительно пополнилась и представляла теперь высококачественный материал.

Но заниматься своими драгоценными черепами почти не пришлось, вскоре я была посажена на реставрацию среднеазиатского материала Т.А. Трофимовой в новом для меня месте – Лаборатории пластической реконструкции М.М. Герасимова. Она размещалась тоже в подвале, на Пятницкой улице, это был второй подвальчик на моем рабочем пути. Там ближе познакомилась и подружилась с сотрудницами Лаборатории Т.С. Сурниной и Г.В. Лебединской – Тасей и Галей, принявшими меня очень дружелюбно. Их трудами и заботами, их умелыми руками подвальное помещение было превращено во вполне благопристойное пространство, хотя в основе своей было во многом хуже нашего университетского - требовало большого ремонта. Но бывать там было приятно из-за атмосферы уюта и дружелюбия хозяев. Так что уходить по окончании задания, где-то поздней осенью, не очень-то и хотелось.

А уходила я, как распорядилось время, не в университетский подвальчик, а в декретный отпуск. Это не означало моего очень долгого отсутствия на службе, по тогдашним законам вместе с двумя приложенными годовыми отпусками выходило немногим больше полугода.

Но за это время произошло важное событие – по неизвестным мне причинам наш подвальчик переселили – правда, в пределах все тех же университетских владений. Институту этнографии теперь было предоставлено небольшое, опять конечно подвальное, помещение под химфаком. Оно мало отличалось от предыдущего, те же мощные каменные стены и своды, тепло и сухо. Преимуществом было то, что химфак стоял во дворе и было очень тихо. Единственное небольшое окошко лепилось под самым потолком, а снаружи было на уровне земли. Света от него было мало, так как оно всегда забрызгивалось грязью и пылью, служило, скорее, для коммуникации, связи с внешним миром. Чтобы сообщить что-то нам в подвал, звонили в Институт антропологии, и кто-нибудь из младшего персонала добегал до окошка и передавал сообщение. В нашем новоселье появились интересные безмолвные свидетели подвальной жизни. Это были манекены в полный и реальный рост, изображающие двух негров из разных племен, различных по росту, телосложению, цвету кожи, строению лица. Изготовленные сотню лет тому назад для Антропологической выставки 1879 года, по ее окончанию были переданы в созданный тогда при Университете Музей антропологии. Сделаны были из какого-то легкого материала, типа папье-маше, притом очень искусно, художественно. Сохранились вполне хорошо, включая множественные украшения, в основном ожерелья из цветных стеклянных бус. Вероятно, сначала они находились в Музее в экспозиции, затем почему-то были изъяты, оказались в запасниках, где в последнее время стали почему-то мешать и были сплавлены к нам в подвал. Мы ничего не имели против, стройные красивые фигуры в нарядном, хотя и минимальном облачении, стоя как на страже со своими копьями по сторонам двери, очень украшали нашу скромную обитель. Я даже подумывала, поскольку негры были списаны, по сути выброшены, а предстоял переезд Института в новые края, и мы покинем подвальчик, не взять ли мне одну фигуру к себе домой, но так и не решилась...

Надо сказать, что с переездом под химфак изменился состав обитателей нашего подвальчика. Гета закончила аспирантуру и работала теперь на кафедре на биофаке в новом здании, Ира Золотарева продолжала бывать время от времени, а новым лицом была Наталья Николаевна Мамонова, Наташа, работавшая раньше в Лаборатории реконструкции, а теперь перешедшая в Отдел. Старшая из всех нас, она стала домовитой хозяйкой нашего чайного стола. Принесла из дома чайник, кофейник еще много чего-то, «организовывала» удобства и уют. Вообще, с ней было уютно. Будучи весьма пышного сложения, она тем не менее, была очень легка в движении, не ходила степенно, а просто летала, стуча каблучками, с удивительной быстротой, так что всегда выбивающиеся из прически пряди развевались вокруг головы. Особенно стремительно летели они, когда узнав по стуку в окошко о приходе Тихона Ивановича, жениха, временами заходящего за ней после работы, Наташа в считанные минуты собиралась и улетала, лишь каблучки успевали простучать свою коротенькую гамму по ступенькам лестницы...

Громкоголосая, шумная, энергичная, она страшно робела с приходами Георгия Францевича, багрово краснела, стихала – боялась его глаз, необычайно зорких на цифровые ошибки. У него не было цели проверять Наташу, но он интересовался Прибайкальским неолитом, с которым она работала, и естественно, ему нужны были точные данные. Поэтому заглядывал в заполненные бланки и таблицы, где и обнаруживались ошибки в измерениях и статистических подсчетах. Наташа поздно начала заниматься такими вещами, было мало опыта. Надо сказать, что вся антропологическая молодежь, так или иначе соприкасавшаяся с Дебецом, испытала этот «комплекс», но далеко не в такой степени. И расценивали потом для себя допуск ошибок как нечто позорное.

Жизнь под химфаком текла без особых событий, там было удобно и по подвальным меркам достаточно комфортно. К сожалению, она продолжалась недолго – Институт переезжал в Черемушки, и сразу был найден и арендован очередной подвал, недалеко от Института. Здесь нам предстояло прожить долго. Подвал был не под старым, солидным зданием, а под

О НАШИХ ПОДВАЛЬЧИКАХ (ЭССЕ М.С. ВЕЛИКАНОВОЙ)

обычным жилым домом недавней стройки, значит, со всеми вытекающими сопутствующими событиями. Наводнения и подтопления не часто, но неукоснительно нас здесь посещали. Дождавшись осушения, возвращались как после эвакуации, как после разлуки, с радостью.

Состав постоянных обитателей сменился, к нам с Наташей прибавились Наташа Постникова-Рудь и Юлия Алексеевна Дурново. В начале приходил и подолгу сидел работая, Георгий Францевич, был у него свой стол и свое деревянное старое кресло, которое потом у нас так и звалось: «Дебецовское». Оно уже давно было списано, много раз чиненое опять начинало разваливаться, и я забрала его к себе домой как долгоживущую вещественную память. Еще и еще раз чиненое, оно стоит по-прежнему за письменным столом, как когда-то в подвальчике при Георгии Францевиче.

Позже Г.Ф. появлялся отдельными набегами. Проводил измерения длинных костей, темой определения роста по их размерам он тогда увлеченно занимался. Измерял он так быстро, что я едва успевала за ним записывать цифры в бланке. В результате были выведены замечательные формулы роста и веса с учетом типа пропорционального сложения индивидуума. Приходил Георгий Францевич и без собственных рабочих планов, заглядывал в наши дела, подбрасывал цифровые и другие данные из зарубежных, мало доступных нам изданий.

Наша большая комната делилась на две части шкафами и стеллажами, которые, как и стеллажи по стенам быстро заполнялись черепами. Юлия Алексеевна с Наташей Постниковой разместились в первом отсеке, мы с Наташей Мамоновой во втором, здесь же стоял стол Георгия Францевича. Ю.А. не имела никакого дела с реставрацией и вообще с палеоантропологией, занималась исключительно счетной работой почти целиком для Т.А. Трофимовой, лишь временами переключаясь на других старших, когда у них была необходимость. Целый день Ю.А. трещала старым Феликсом – арифмометром, из-за этого, вероятно, ее и отправили в наш палеоантропологический подвал. Нам к постоянному Феликсу пришлось привыкать... Потом появлялись более совершенные счетные устройства, завершившиеся на моей памяти портативной электронной машинкой, автоматически вычисляющей, что особенно радовало, наиболее трудоемкую в то время «сигму». Первой моей мыслью при знакомстве с этим мудрым устройством было - как поразился бы Георгий Францевич...

Всегда ратующий за облегчение счетной части нашей работы Георгий Францевич (сам он считал на логарифмической линейке или просто на «бумажке») приложил много усилий, чтобы была приобретена Институтом современная стационарная счетная машина. Наконец, это было сделано. Машина заняла своим объемом почти целую комнату и потребовала постоянного специалиста для ее обслуживания. Но мы рано радовались, заставить ее нормально работать так и не удалось. Она была уже б.у., то есть, использовалась и вероятно, работала где-то слишком долго и выработала весь свой ресурс. Обидно было за усилия Г.Ф., но он не складывал рук и установил связи с Новосибирском, где была хорошо налажена и работала электронная техника современного уровня. Я воспользовалась этим способом лишь раз, нужно было скопировать все бланки для посылки в Новосибирск, и мне показалось, что во время этого нудного труда я сама проделала бы всю нужную счетную работу. Через какой-то большой срок пришли длинные ленты перфокарт, которые сразу превращались в груды гирлянд, когда ими начинал пользоваться. Не помню по каким причинам, но связь с Новосибирском развития не получила.

У нас было немало посетителей. Приходила своя и приезжая молодежь, готовящаяся посвятить себя антропологии – учиться или совершенствоваться у нас технике краниометрии. Были и неожиданные посетители – например, жена писателя Тендрякова, им тогда увлекались. Направил ее ко мне Георгий Борисович Федоров, с которым мы тогда тесно сотрудничали и дружили, а он писал и издавал очень славные рассказы и повести из своей археологической жизни и был связан с писательским миром. Юная Маша Тендрякова, дочка, была тогда на распутье при выборе своего дальнейшего пути – между антропологией и этнографией. Мама

решила ей помочь, взглянув на реальность собственными глазами. Это была очень интеллигентная и образованная, к тому же элегантная дама, издательский работник. Бывать в таких рабочих помещениях Академии наук как наш подвал ей явно не приходилось, что она деликатно старалась не показывать. Мы очень приятно побеседовали, касались и литературных тем, но прощаясь я понимала, что Маша в антропологию не придет, наш подвал маме не понравился. Чувствуя это, я в разговоре делала акцент на то, что деятельность антрополога вовсе не обязательно и постоянно связана с пребыванием в подвале, что здесь как бы подсобное помещение, своего рода лаборатория для временных работ. Но Маша к нам не пришла, выбрала этнографию и стала работать в нашем институте.

А мы сами прекрасно видели все следы затоплений и многочисленные недостатки нашего обиталища, но это не вызывало недобрых чувств к нему, напротив, со временем все более привязывались к этому месту. В отличие от прежних подвалов были мы здесь не одни, существовали соседи. Постоянно занимался созданием своей лаборатории по изучению крови Андрей Воронов, располагающийся в комнате слева, с другой стороны была комната сначала макетчиков, делавших маленькие фигурки различных заводских помещений, потом их сменил фотограф какого-то предприятия. Все были вполне приличные ребята, терпели заваленную ящиками с нашими материалами общую входную территорию, что-то для нас делали, фотографировали. Раз в неделю все три комнаты посещала уборщица, в начале одна, потом сменила другая. Обе любили делиться с нами своими домашними сложностями – у одной была дочка даун, и мы были в курсе всех самых мелких шагов ребенка по пути совершенствования своего бедного разума, у другой – трудный сын и зловредная свекровь. Видимо, им становилось легче после этих исповедей-жалоб.

Время шло, постепенно наш состав сокращался. Ушла на пенсию Наташа Мамнова, потом самый постоянный обитатель Юлия Алексеевна. Пополнения новыми силами не было.

Но самой тяжелой потерей был навечный уход Георгия Францевича. Жизнь поскучилась и потускнела. Все мы очень переживали. Неожиданно глубоко и откровенно горевала Юлия Алексеевна, обычно закрытый и замкнутый человек. Уже после смерти Георгия Францевича вышел номер нашего журнала с его статьей, где статистические подсчеты провела Юлия Алексеевна. Ей приходилось делать это для всех старших и постоянно для Т.А. Трофимовой, и об ее существенном участии в вышедшей работе никогда не упоминалось, это было в порядке вещей. Только Георгий Францевич свою последнюю статью, ни слова не сказав Ю.А. подписал двумя фамилиями. Узнав об этом, лишь увидев статью, Юлия Алексеевна была взволнована и тронута до глубины души... А мне, не говоря о многом другом, не хватало наших совместных походов с Профсоюзной до Вавилова. Когда Г.Ф. бывал в подвальчике, после работы мы всегда шли пешком (я жила тогда у тети), наши дома были недалеко от подвала и стояли друг против друга. Разговоры были на темы самые разные и отвлеченные – об особенностях стихосложения, о пользе или вреде обрезки деревьев, о современной литературе... Очень интересно было услышать пересказы романов Франсуазы Саган, тогда еще не печатавшейся у нас. Г.Ф. же прочел их когда-то в их первородном виде. Теперь он с удовольствием вспоминал эту изящную дамскую, да еще французскую прозу, поэтому его рассказ-перевод звучал прекрасно. Когда позже я прочла изданные у нас романы, поняла насколько точен и хорош был его перевод мне, по дороге к дому с работы. Естественно, что дорога проходила совершенно незаметно...

... Теперь ничего подобного и многого другого не стало и уже никогда не будет...

Герасимиды переселились на юго-запад почти одновременно с нами. На сей раз Лаборатория разместилась в самом конце Ленинского проспекта (тогда конец был много ближе к центру), в подвале современного жилого дома. Со всеми сопутствующими стихийными бедствиями и еще почему-то с блохами на лестнице! Пришлось узнавать, как их выводить и специально этим заниматься. Я очень любила к ним приходить, благо теперь можно было не опасаться нападения на лестнице злых зверей. Само помещение Лаборатории выглядело красиво

О НАШИХ ПОДВАЛЬЧИКАХ (ЭССЕ М.С. ВЕЛИКАНОВОЙ)

и уютно. Очень украшали бюсты древних людей – работы сотрудников, на стенах необычные украшения – тоже дело рук самих герасимид. «Девочки» Галя и Тася не только навели большой порядок в новом доме, но и создавали приятную дружескую атмосферу, в которую каждый раз с удовольствием погружался. Здесь я заставляла чаще всего их двоих, потом прибавилась рентгенолог Александра Александровна. Михаила Михайловича видела реже. Он тоже был очень дружелюбен и любезен. Встречал всегда с такой широкой и ласковой улыбкой.

В Лаборатории бывало немало посетителей, с самыми разными вопросами и запросами. Кто-то интересовался галереей уже созданных скульптурных портретов исторических лиц, кто-то техникой реконструкции, намереваясь заняться этим или уже занимался и хотел совершенствоваться. Лаборатория не отказывала, была центром этого рода научно-художественной деятельности, начатой и развиваемой М.М. Герасимовым.

Отделу приходилось редко бывать в Лаборатории, тем более любили все отмечать там наши особые даты, праздновать общие праздники, там всегда было тепло и уютно. Бывало, собирались и без особых причин. В одно из давних празднований Нового года Саша Зубов, недавно пришедший в Отдел, многократно фотографировал наше застолье. Проявленную пленку отдал мне, и я упросила соседа по подвалу, фотографа, напечатать карточки по количеству лиц, сидящих за столом. Нас всех было немало, поначалу он все как-то кривился, я думала, ну, сейчас откажется, но он был человеком, ценившим добрососедские отношения, согласился и быстро напечатал. Не помню, сама ли я раздавала карточки или поручила кому-то, но все были наделены полным набором.

И теперь вот смотрю на эти снимки, и целый рой мыслей и чувств охватывает. Какое прекрасное время запечатлелось! Еще нас так много, никто еще не ушел ни на пенсию, ни дальше... И все такие молодые, и такие радостные лица! Как всем здесь хорошо, как весело! И представитель наших любимых и неповторимых «старших» Михаил Михайлович еще с нами... Чувствовали ли мы хоть немного тогда, какое это счастье жить в одно время и в некоторой приближенности к этим людям... Как их сейчас не хватает... А в младшем поколении, по сути твоих сверстниках, тоже уже в немалой части ушедших, лучшие черты каждого, затмевая собой все бывшие минусы, с годами становятся все ярче, и их носителей тоже не хватает все больше. Вот уж воистину: «Чем дольше живем мы, тем годы короче, тем слаще друзей голоса...»

Возвращаясь к подвальным временам вспоминаю, что не ждала никаких перемен в своем служебном местопребывании, да и не хотела, свыклась с тем, что было. Но неожиданно переселили на улицу Вавилова, и невероятное совпадение: в дом, где жила моя любимая тетя. Когда она осталась одна – умер муж, я жила какое-то время у нее, это было полезно для нас обеих, мы тогда очень сблизились. На новом месте было намного свободнее и комфортнее, чем на Профсоюзной, поэтому расширился и состав постоянных обитателей – переселилось несколько сотрудников из Института: Маргарита Михайловна Герасимова, Наташа Долинова, Галя Рыкушина, Надя Дубова, Саша Дубов. Здесь же разместилось небольшое хранилище для краниологической коллекции, набегами работали аспиранты, стажеры. Небольшую комнату определили как кабинет заведующего, нашлось место и для кухни-столовой. Была электроплитка, девочки что-то готовили. Я же с первых дней ходила обедать к тете, она категорически на этом настояла. Тетя – широкая душа приглашала приходить всех, но всех было слишком много. Все же приглашение я передала, все оценили, посмеялись, поблагодарили.

Казалось, поселились здесь прочно, но ожидало еще одно переселение – недалеко, на ту же улицу Вавилова, на этот раз в один дом с тоже переселяемыми герасимидами, оказались через стенку с ними. Только входы снаружи были разные, с разных сторон дома. Между двумя владениями были двери, которые были всегда почему-то наглухо закрыты, идти к соседям можно было лишь выйдя наружу и обогнув дом. Там были большие перемены – не было уже Михаила Михайловича, руководила Лабораторией теперь Галина Вячеславовна Лебединская,

к сожалению, недолго, не работала уже Тася, изменилась вся прежняя атмосфера. Наша половина также была неузнаваема. Прежде всего, она получила официальное название – «Лаборатория палеоантропологии». Расширилась не только квадратура наших помещений, но и работающий там состав. Переместились в полном составе все обитавшие на улице Вавилова. Также постоянно «прописались» здесь же дерматологи, Генриетта Леонидовна Хить и Наташа Долинова. Кажется, кто-то еще был.

Это последнее помещение было много комфортнее всех предыдущих. Оно не только подвалом, но даже и полуподвалом по сути не было. Просто низкий, вровень с землей, нижний этаж. Это имело недостаток - сгнивали доски пола. Но проводились ремонты, и помещение каждый раз хорошело и молодело. Довольно удобно оно было расположено по отношению к Институту – пешком, напрямик, через неглубокий овраг что-то около 10 минут ходьбы. А когда Институт переселился в «Башню», – от нас всего остановки три на трамвае. Недостатком расположения было отсутствие того, что сейчас называли бы инфраструктурой – мест, где можно было бы хоть как-нибудь напиться или купить что-то для этого. Нужно было устраивать свою столовую. Между тем, стояли уже скудные девяностые, с продуктами были проблемы. К счастью, были у нас теперь энергичные хозяйственные девочки, которые с энтузиазмом взялись за дело. Собрали общими усилиями необходимую посуду, небольшую комнату определили под кухню-столовую, установили дежурства. Основой питания стали сухие суповые концентраты, с нашими уже добавками овощей, специй и т.д. Получалось, как правило, очень неплохо. Вначале я продолжала ходить обедать к тете, благо это место оказалось недалеко от нее, но увы, вскоре тети не стало, и я включилась в общий котел. Помню, как волновалась, когда наступил день моего дежурства, и я должна была приготовить обед и накормить всю компанию. В моем распоряжении были сухие полуфабрикаты и вдобавок что найдется в доме. Но обед прошел вполне удачно, народ не только не ругал похлебку, но даже и похваливал. Да и мне самой понравилось.

Чем беднее была жизнь, тем больше хотелось чем-то украсить ее. Устраивали праздники, и маленькие, и большие. С молодыми силами, которые влились в нашу жизнь, все стало возможно. Они вдохновляли. Исхитрялись мы, как только могли. А в народе уже ходили рецепты самодельных (отсутствующих в магазинах) сыра, конфет, печенья. Для сыра молоко было – привозили в цистернах из сельской местности, для конфет было в продаже разнообразное сухое детское питание, какао. Наловчились так, что получалось лучше покупного. Помню свои конфеты – подобие трюфелей, уложенные в «прежнюю» красивую коробку, которые я принесла к какому-то празднику. Народ дал самую высокую оценку, помню подобную реакцию заведующего Александра Александровича Зубова, от которого ожидала меньше всего.

С удовольствием отмечали и неофициальные тогда даты – Пасху, например. Это было непросто, нужно было испечь куличи, приготовить пасху, покрасить яйца (продавались на рынках). Распределили кому что делать, учитывая предыдущий опыт каждого. Мне была поручена пасха. Опыт у меня был достаточный, но всегда с небольшими размерами, теперь же народа предполагалось много, и пасха должна была быть большой. Начала с огромного бидона молока, к счастью цистерна останавливалась близко от моего дома, и молоко было хорошего вкуса и нужной жирности. Из молока делалась простокваша, из нее творог, который отцеживанием получал нужную плотность, тогда в него прибавлялись необходимые добавки и все помещалось под прессы для окончательного отжима и «созревания».

Этот процесс, когда он происходит с большим количеством привлеченных продуктов, оказался очень непросто. Но я была довольна, что решила главный вопрос, как сделать не несколько, а одну большую пасху, как мне хотелось, – технически это было трудно. Но я придумала сделать ее трехэтажной, то есть из трех отдельных пасх разной величины и нужной формы каждая. Добиться этого было тоже непросто, но – получилось. Получилась огромная классическая пирамида, произведшая впечатление и видом, и вкусом. Была съедена без остат-


ка, благо народу на подобные праздники собиралось немало, своих и гостей. Кажется, именно на этой Пасхе была у нас в гостях из Питера Наталья Викторовна, дочь Виктора Валериановича Бунака... Хорошие были времена, несмотря на трудную, в общем-то, жизнь.

Я недолго пробыла в этом последнем месте своего рабочего обитания, через несколько лет ушла на пенсию. В первые годы нередко заходила наведать старых коллег-друзей, с годами их становилось меньше, к счастью, прибывала молодежь. Знакомилась с нею, когда отмечалось какое-то событие и устраивался большой сбор. Это были отголоски старых традиций, встреч в Музее антропологии, которые я застала в начале 50-х, когда за длинным столом (которого не хватало и надстраивали таким же длинным поперечным) собирались вместе сотрудники обоих институтов, университетского и академического, от профессоров до подолгу служащих и уважаемых музейных сторожей и уборщиц. Приглашали и когда-то давно учившихся или работавших, но уже отошедших от антропологии. Их могло помнить только самое старшее поколение, остальные были для них совершенно чужими, тем не менее они ценили эти встречи и приходили с радостью. Всем на этих вечерах было весело и уютно. Эта традиция сохранялась пока сохранялось поколение тех старших, пока за столом можно было видеть Якова Яковлевича Рогинского, Михаила Антоновича Гремяцкого, Михаила Федоровича Нестурха, Михаила Михайловича Герасимова, Максима Григорьевича Левина... Все изменилось. Но ведь будут еще и еще перемены, и в лучшую сторону, в том числе. И какие-то уже дали о себе знать, а какие-то еще стоят у дверей... Хочется верить в хорошее...

Со временем мои приходы прекратились и тем самым я распростилась и с подвальчиками. Остались лишь в памяти, увя очень обмелевшей. Но все же подвальчики и многое с ними связанное в ней сохранилось, пусть даже не очень полно. И тем, что еще во мне живет и временами, при воспоминаниях, греет душу, мне и захотелось поделиться на этих страницах.

ABOUT OUR CELLARS

M.S. Velikanova

 **ABSTRACT:** Marina Svyatoslavovna Velikanova (1932-2025) - a student of G.F. Debets, a prominent Russian paleoanthropologist, an employee of the anthropology sector (department) of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences (now the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences). She went from a laboratory assistant to a senior researcher (1955-1994). In 1971, she defended her candidate's dissertation "Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluvium". In 1975-1982, she was a member of the Scientific Council "Origin of the Moldavian People and Slavic-Moldavian Relations" at the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Moldavian SSR. Together with I.M. Zolotareva, she sorted out, systematized and inventoried the archive of her Teacher, G.F. Debets (kept in the Central Archives of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences), prepared a number of his works for publication after his death. Possessing a light pen and a brilliant memory, she was a kind of chronicler of the scientific life of Moscow anthropologists. Below we publish her recollections....

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Великанова Марина Святославовна (Velikanova Marina Svyatoslavovna)